

РОМАН ПИКУЛЯ «ФАВОРИТ»: МЫСЛИ ИСТОРИКА

Ж. А. АНАНЯН, В. А. МИКАЕЛЯН

Роман писателя В. С. Пикуля «Фаворит» вызвал большой читательский интерес. И это вполне объяснимо. На протяжении десятилетий в годы культа и застоя не принято было подавать массовому читателю историю в персонифицированном ее варианте. История была как бы без людей. Писали лишь об отдельных деятелях, и то с дозволения одной личности, которая и давала всему оценки.

Интерес массового читателя к историческому роману предопределен естественной тягой народа к знанию собственной истории. Однако интерес самих историков к художественным произведениям подобного жанра может быть вызван лишь совершенно определенными достоинствами исторического романа. Есть историки, которые осторожны в оценке этого жанра литературы. Объяснение находим в том, что как в прошлом, так и в настоящем отражавшиеся в произведениях писателей исторические события трактовались весьма вольно, с личных позиций авторов. Во многих случаях приходилось (порой и ныне приходится) констатировать, что подлинный исторический факт, истина подменяется вымыслом. Как следствие—со страниц некоторых художественных произведений проводятся антинаучные исторические концепции. Есть, конечно, исключения. Роман Пикуля в целом является таким приятным для историка исключением.

Если судить строго по заголовку, роман посвящен Григорию Александровичу Потемкину. Один тот факт, что писатель взял на себя смелость и труд осветить жизнь самого выдающегося государственного деятеля екатерининской эпохи, достоин одобрения и похвалы. Однако содержание романа намного шире его названия. В книге Пикуля раскрывается одна из значительных эпох русской истории— время царствования Екатерины II. Это не роман лишь о Потемкине или Екатерине II.

Писатель в художественной форме, придерживаясь истины, раскрывает перед читателем один из бурных периодов русской истории. На это указывает и сам Пикуль. «Нет, читатель, — пишет он, — это не Екатерина выбрала для себя самый бурный период русской истории, — это само время избрало ее, и об этом следует помнить»¹.

Всплыв на гребень русской истории, Екатерина II, однако, не могла править самостоятельно. Это понятно и закономерно, поскольку при авторитарной системе решающую роль в государстве играли не столько монархи, сколько их фавориты. Прав поэтому писатель, отмечая: фаворитизм—явление для монархии закономерное. В эпоху Екатерины II на арене политической истории России выделялись главным образом две исторические фигуры, как бы дополнявшие друг друга—это императрица Екатерина II и ее фаворит князь Потемкин. В русской и советской историографии это обстоятельство недооценивалось. Князь Потемкин представлялся главным образом как талантливый администратор. Если обратимся к такому известному изданию, как словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, то прочтем такие строки.

¹ В. С. Пикуль, Фаворит, т. II, Рига, 1985, с. 82.

Потемкин «...был самый недюжинный из екатерининских временщиков, несомненно способный администратор, деятельный и энергичный человек, избалованный, однако, побочными обстоятельствами, доставившими ему высокое положение, и поэтому лишенный равновесия и способности соразмерить свои желания с действительностью»². В Советской исторической энциклопедии дается следующая оценка князю: «Проявив себя талантливым администратором, Потемкин сделался незаменимым помощником Екатерины II, энергично проводя политику в интересах укрепления абсолютистского государства»³. Здесь мы должны, однако, отметить, что и Пикуль в какой-то степени отдаст дань традиционной точке зрения. «Екатеринослав,—читаем мы в романе,—самый первый алмаз в драгоценной короне причерноморских городов, которым еще предстояло возникнуть в степных пустырях. А мощная фигура администратора Потемкина уже выростала из-за спины полководца графа Румянцева»⁴.

И тем не менее Пикуль, выйдя за рамки этих суждений, одним из первых, если не первый, отходит от традиции, раскрывая деятельность Потемкина в целом как крупномасштабной государственной, политической и военной фигуры эпохи Екатерины II. Дело даже не в отдельных формулировках, например, таких, как: «Это был замечательный государственный деятель, человек в культурном отношении на голову выше своих современников». Или: дела Потемкина «всегда смыкались с нуждами государства, с великим его будущим»⁵. Ценно главным образом то, что автору удалось успешно раскрыть этот тезис и в художественной форме, почти не отступая от истины, от исторического факта, отобразить один из самых интересных периодов русской истории—екатерининскую эпоху. Наконец, Пикуль осмелился на шаг, на который не решались историки-профессионалы—по-новому рассмотреть роль и место Потемкина в этой эпохе. Знание исторической литературы и архивных документов позволяет Пикулю в целом верно ориентироваться в исторических проблемах России второй половины XVIII в. Вкратце остановимся на некоторых из них.

Рассматривая проблему Крыма в аспекте внешнеполитических устремлений России на юге, Пикуль образно сравнивает Крым с поганой «бородавкой», которую необходимо срезать. Политическая задача, поставленная перед правительством Екатерины II, главным вдохновителем и исполнителем которой был Потемкин, это не только срезать «бородавку», т. е. обрести один лишь Крым, «но и разрушить само ханство—быть России хозяйкою политической в море Черном»⁶. Устами русского посла в Турции Я. И. Булгакова Пикуль верно подмечает, что «Крым—главная... язва» России. Здесь нельзя пройти мимо очень тонкого наблюдения автора. При всей привлекательности ханства внутри его затаилась сложнейшая структура правления, в которой русские часто запутывались... это был удивительно цепкий, выносливый и колючий куст, который, как и русский «залом», лучше всего резать с корнем!»⁷. Но чем был силен этот «колючий куст»? Пикуль не дает четкого ответа на вопрос. Хотя он и близок к разгад-

² Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXIV¹, СПб., 1898, с. 729.

³ Советская историческая энциклопедия, т. II, М., 1968, с. 474.

⁴ В. С. П и к у л ь, указ. соч., т. II, с. 65.

⁵ Там же, с. 344, 362.

⁶ Там же, с. 260.

⁷ Там же, с. 94.

ке этого исторического феномена. Вот какие мысли вкладывает он в рассуждения Екатерины II. «Султан их (крымских татар—Ж. А., В. М.) не угнетает. Напротив, Турция для них вроде щита, за которым они и прячутся от наказания»⁸. Здесь автор близко подошел к пониманию тех сложных отношений, которые существовали на протяжении многих веков между Турцией и Крымом. Ответ мы находим в трудах видного советского историка И. Б. Грекова, который отмечает, что Турция и Крым, осуществляя на деле единую, хорошо скоординированную политику, подчиненную общим, далеко идущим стратегическим целям, выступали на международной арене таким образом, что их политика представляла разобщенной, лишенной будто бы внутренней согласованности и единства.

Так что естественно заключить, что постоянные и опустошительные набеги на Русь татарских полчищ, осуществляемые крымскими ханами, были санкционированы османскими правителями. Поэтому в течение всего XVIII в. для Петербурга проблема Крыма являлась более важной, нежели решение какой-либо другой, связанной с Россией политической проблемы на Востоке. (Хотя бы в той перспективе, что, не покорив Крыма, России нельзя было серьезно браться за проблемы закавказских народов). Заняв Крым, Россия одной этой акцией решала несколько проблем: утверждалась на Черном море, существенно ослабляла своего традиционного противника на Востоке — Турцию, при этом не входя с ней в непосредственный вооруженный конфликт, наконец, укрепив и обезопасив свой тыл, создавала реальные предпосылки для дальнейшего утверждения и распространения своего влияния в Закавказье. Такая постановка вопроса является новой и вкратце она была изложена одним из авторов настоящей статьи в специальной литературе сравнительно недавно. Отмечалось, что стратегический удар по Османской империи Россия должна была нанести прежде не на Ближнем Востоке и Закавказье, а в Северном Причерноморье, т. е. в Крыму. Этого не могла не понимать и османская дипломатия, и поэтому даже в первой четверти XVIII в. политические события в Иране и Закавказье и агрессия Турции в этом регионе были в значительной мере отвлекающими моментами в хорошо согласованных действиях Турции и Крыма. Однако Петербург не сразу разгадал этот маневр османской дипломатии⁹. В эпоху Петра I вследствие изнурительной и продолжительной Северной войны и неудачного Прутского похода Россия еще была не в состоянии решить проблему Крыма. Но то, что не было сделано в первой половине века, необходимо было осуществить во второй. И эта историческая миссия легла на плечи князя Потемкина.

В своем романе Пикуль касается и нравственно-этической стороны вопроса присоединения Крыма. Завоеванный в далеком прошлом монголо-татарскими ордami полуостров стал важным стратегическим плацдармом в агрессивной политике турецких султанов и крымских ханов. «Девятьсот лет—читаем мы—(почти целое тысячелетие) страдали русские, поляки, украинцы от набегов татарских ханов»¹⁰. Писатель подводит читателя к верной оценке. Ликвидация Крымского

⁸ Там же, т. I, Рига, 1985, с. 400.

⁹ Ж. А. Агабян, Дж. О. Галустян, Рецензия на книгу: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. (Народы Азии и Африки. 1986, № 2, с. 199—200).

¹⁰ В. С. Пикуль, указ. соч., т. II, с. 265.

ханства—это, несомненно, был правомерный и справедливый исторический акт. Однако Европа по-своему реагировала на действия русского двора, отказавшись признать за Россией ее историческое право. От взора писателя не ускользает и это обстоятельство. «Европа тысячу лет помалкивала,—пишет Пикуль,—когда татары истощали Русь, пленяя в рабство самых здоровых мужчин и самых красивых женщин, а теперь все политики хором закричали о насилии над бедными татарами»¹¹.

Во второй половине XVIII в. феодальная Россия достигла пика своего могущества. Правительство Екатерины II проводило более масштабную, более смелую и гибкую внешнюю политику, нежели было раньше. Автор романа вкладывает в уста императрицы следующие слова, обращенные французскому послу Дюрану: «Французы способны делать в политике лишь то, что они *могут* делать, а Россия станет делать то, что она *хочет* делать»¹².

Стратегия внешней политики Московского государства была разработана еще во второй половине XVI в., суть которой заключалась в завоевании выходов к морям. Иван IV предпринял первые шаги осуществления этой стратегии. Начиная с Ивана Грозного, мы наблюдаем у русских правителей удивительную последовательность в осуществлении своих задач. Особенно впечатляющими были внешнеполитические акции Петра I. На это указывает и Пикуль, подчеркивая преемственность внешней политики России. Обращаясь к своему сыну Павлу, будущему императору¹³, Екатерина II объясняет ему мотивы русско-турецкой войны. «Вашему высочеству... неразумно упрекать меня в войне, зачатой едино лишь в продолжение той политики, коя от Петра Великого россиянам завещана... Нам без моря Черного не бывать, как не бывать и без моря Балтийского»¹⁴.

Здесь мы подошли к проблеме, на которую армянская историография реагирует особенно чутко. Речь пойдет о Восточном вопросе во внешней политике России, в частности, об отношении России к Турции во второй половине XVIII в. Но прежде рассмотрим, каков был потенциал Османской империи в этот период. В XV—XVI вв. Порта являлась постоянным фактором в политической жизни Европы, а начиная со второго десятилетия XVI в. вплоть до середины XVIII в., вступив в борьбу с сефевидским Ираном за Закавказье, она уже к XVIII в. полностью потеряла свои позиции в большей части Центральной Европы. Ослабло влияние Османской империи и на Балканах. А в Закавказье в ходе соперничества с Ираном Турция вынуждена была считаться с таким серьезным фактором, как интересы России в этом регионе. Так что к XVIII в. политический и экономический потенциал Османской империи значительно снизился. Пикуль подмечает и это обстоятельство. На страницах романа находим меткие характеристики турецкого общества. «Словом «турок»,—читаем мы,—именовали в Турции только нищету и голь пахотную, все же:

¹¹ Там же, с. 269.

¹² Там же, с. 13.

¹³ Мы не согласны с той оценкой, которую автор дает как наследнику престола, так и некоторым государственным деятелям. Будущий император выведен безынициативной и весьма посредственной личностью. Здесь, несомненно, Пикуль отдает дань традиционной точке зрения. Между тем мы полагаем, что ранняя смерть помешала раскрытию и осуществлению интересных идей, намечаемых как во внутренней, так и во внешней политике Павла I.

¹⁴ В. С. Пикуль, указ. соч., т. II, с. 20.

другие, будь они даже нищими на майданах, назывались гордо османами... Турция никак не могла стать государством национальным, ибо «османов» было мало, а их империя состояла из покоренных народов... всюду они были лишь оккупантами»¹⁵. Или вот еще одна существенная особенность турецкого образа жизни, тонко подмеченная писателем. «Внешне казалось, что все сыты и довольны. Но даже вблизи столицы никто не видел клочка обработанной земли. Столица султана кормилась исключительно с пристани, что привезут корабли из Египта, из Турции, из Африки или из Сирии, то будет сегодня съедено»¹⁶.

Объективно оценивая состояние Османской империи и особенно — турецкого общества, писатель подводит читателя к верному выводу: вопрос присоединения и хозяйственного освоения Северного Причерноморья и выхода к левому побережью Днестра (к началу русско-турецких войн эпохи Екатерины II эти земли или входили в состав Османской империи или же контролировались ею) возможен был для России лишь при наличии большого политического, экономического и военного потенциала. С другой стороны, от непосредственных исполнителей этого грандиозного плана — Румянцева, Потемкина и др. — требовались организаторский талант, неугасимая энергия, последовательность и большое искусство в дипломатии. Всеми этими качествами сполна обладал Потемкин. И они во всем блеске проявились при решении именно этой исторической задачи. Здесь важно отметить, что успех Потемкина в значительной степени был предопределен тем, что он не пренебрегает историей, не отказывается от опыта, приобретенного Россией в эпоху Петра I. Наглядным доказательством является то обстоятельство, что и в эпоху Екатерины II при активизации восточной политики Российской империи были задействованы в целом те же политические факторы, что и при Петре I. Одним из них являлся фактор политического присутствия России в Закавказье, который мог быть обеспечен лишь развертыванием освободительной борьбы армянского народа, в основе которой лежало жгучее желание с помощью русского оружия сбросить с себя иго турецких и персидских поработителей. Поэтому все вышеупомянутые акции России, так или иначе направленные на ущемление политических интересов Ирана, Османской империи и вассального ей Крыма как в Закавказье, так и в некоторых регионах (т. е. именно там, где было сконцентрировано армянское население), объективно играли прогрессивную роль для развития армянского освободительного движения. В этой связи нельзя не вспомнить известное высказывание Энгельса: «... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹⁷. Здесь уместно отметить, что эти слова классика марксистской теории писатель приводит в качестве эпиграфа к одной из глав романа. Но к какой? И тут мы обязаны воздать должное исторической компетентности Пикуля. Этими словами Энгельса открывается глава, в которой он повествует о роли России в судьбах крымских татар. И действительно, цивилизирующую роль Российская держава могла играть лишь в отношении татар и других отсталых народов Кавказа и Центральной Азии, чего нельзя сказать в отношении ни армян, ни

¹⁵ Там же, т. I, с. 356.

¹⁶ Там же, с. 437.

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, с. 241.

грузин. Применительно к ним Россия могла объективно играть роль освободителя. Русский двор, начиная главным образом с Петра I, хорошо осознавал эту стратегической значимости историческую миссию России.

Если оценить весь ход исторического развития России в XVIII в., то мы приходим к выводу, что в этот период Россия еще не достигла такого уровня политического и социально-экономического развития, чтобы с равным успехом решать параллельно две почти одинаковой сложности внешнеполитические задачи. Концентрация всех сил государства в первой половине века на решении так называемой прибалтийской или северной задачи (учитывая при этом, что наиболее важный фланг юга страны—Северное Причерноморье—был тогда еще блокирован вассальным Турцией Крымским ханством) не позволяли России предпринять политические и военные акции одновременно в двух полярных регионах—северном и южном.

Русский двор более конкретно занялся Восточным вопросом лишь после завершения Северной войны. Осознавая, что без решения крымской проблемы Россия не должна входить в непосредственный вооруженный конфликт с Турцией, Петербург разработал стратегию политического сдерживания Турции. Главным фактором (составной частью) этой стратегии была освободительная борьба армянского и грузинского народов против турецких агрессоров. Правительство Петра I хорошо понимало, что оккупация мусульманами-турками Восточной Армении и особенно территории Арцаха (Карабаха) и выход османов к западному побережью Каспийского моря сильно противоречат интересам России в этом регионе. Кстати, именно этого добивался султанский двор—выйти к Каспию и сомкнуться с мусульманством Средней Азии. Решению данной задачи, как вынужденно признавали сами турки, мешали армяне. Поэтому поддержка освободительного движения армянского народа и особенно героической борьбы армянских меликов Арцаха, который ближе всего отстоял от побережья Каспия, была существенным моментом в политических расчетах Петра I. Эта поддержка, однако, могла иметь исключительно моральный характер. Вооруженное столкновение с Турцией или Ираном по отмеченной выше причине тогда не входило в планы России. Здесь имеется в виду ситуация, сложившаяся в первой половине XVIII в. Что касается его второй половины, то у России уже появились реальные шансы вплотную подойти к решению Восточного вопроса. И опять-таки наиболее важной ареной политических и военных действий является для России не закавказский регион, а Северное Причерноморье с его крымской «бородавкой». В отношении же Закавказья Россия в течение всего века старалась решать свои задачи не форсированно, не опережая события, а постепенно, закрепляя завоеванные ею в этом регионе позиции большей частью не вооруженным путем, а используя освободительную борьбу армянского и грузинского народов в целях сохранения как стратегической стабильности в регионе, так и политического присутствия России в Закавказье. Как организованные, так и намечаемые военные походы русских войск в Закавказье в течение XVIII в. решали или должны были решить преимущественно тактические задачи. Что же касается заявлений (встречающихся в архивных документах) отдельных военных и государственных деятелей России, будто её политические и военные акции в Закавказье вызваны также задачей освобождения армянского народа, то они в конечном счете являлись тактической уловкой. Поэтому понятно, почему освободительному движению армян Россия предла-

гала политический, но не военный союз. В этом союзе во главу угла ставилась моральная поддержка, да и та, по мере возможности, осуществлялась в тайне от Турции. И традиционная точка зрения, будто царизм в течение всего XVIII в. играл в отношении армянского и грузинского народов роль освободителя, представляется весьма спорной. Прав скорее Энгельс, который справедливо указывал, что царское правительство приняло «позу освободителя»¹⁸ в отношении закавказских народов.

Разумеется, мы не вправе требовать от писателя глубокого анализа армяно-русских политических отношений. Следует, однако, отметить, что от внимания Пикюля не ускользнул очень важный факт: армяне как восточной части своей родины, так и те, кто, гонимые злосчастной судьбой, рассеялись по миру, с большими симпатиями относились к русскому народу, к России, связывая с ней свои национальные чаяния. В небольшом эпизоде романа—целый пласт истории. Армянин—лавочник из Ливорно—обрадовался встрече с русским. «Мы, гонимые,—говорит он своему собеседнику,—за вас, русских, всюду молимся—и в Петербурге, и в Турции, и в Африке, и в Индии...»¹⁹.

Симпатии армян к России и их понятное и уже ставшее традиционным стремление выйти из-под власти мусульманских правителей были использованы Петербургом для решения своих задач. Об одной из них пишет и Пикюль. Прежде чем решить проблему Крыма, правительство Екатерины II предприняло шаг, преследующий не только политическое, но и экономическое ослабление Крымского ханства. Известно, что мусульманское население полуострова не было заинтересовано в производительном труде. Успехи ханской экономики во многом зависели от доходов, которые получали крымские правители с поборов с христианского населения ханства. Эту особенность подмечает и автор романа. «Сами же татары,—читаем мы у Пикюля,—живут с налогов да притеснения тружеников христианских—армян и греков»²⁰. Стало быть, переселив армян и греков в пределы России (конец 70-х годов XVIII в.), Петербург практически подрывал экономические устои Крымского ханства.

Известно, что общее руководство по переселению крымских армян к берегам Дона осуществлял князь Потемкин. Переселяя армян к крепости Дмитрия Ростовского, Потемкин походя решал и другую важную задачу: вышедшее из Крыма армянское население способствовало хозяйственному освоению почти безлюдных степей Новороссии. Это обстоятельство тоже не ускользает от внимания писателя. «Армянам же на новых местах,—пишет он,—ремесло развивать... ткание шелковых и бумажных материй, выделывание сафьяна из кожи и вышивания разные, в коих армянки весьма искусны»²¹.

Однако, если Пикюль пишет об организаторской деятельности Григория Потемкина во время вывода крымских армян, то на страницах его книги читатель не находит сведений об усилиях фаворита в переселении находившихся под властью Османской Турции бесарабских армян на левый берег Днестра. Как известно, это имело место в ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и завершилось основанием 25 июля 1792 г. армянского города-колонии Григориополя. Здесь важно отметить, что вывод армян из турецких владений необходимо

¹⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, с. 9.

¹⁹ В. С. Пикюль, указ. соч., т. II, с. 96.

²⁰ Там же, с. 131.

²¹ Там же, с. 132.

рассматривать в контексте колониационной политики России, целью которой являлось хозяйственное освоение завоеванной в результате русско-турецких войн второй половины XVIII в. огромной, почти безлюдной территории. Для осуществления этой политики князь Потемкин использовал деятелей армянского освободительного движения, рассчитывая, что они смогут склонить своих сородичей покинуть османские владения и тем самым освободятся от ненавистного им турецкого гнета.

Руководители армянского освободительного движения, в первую очередь Иосиф Аргутинский, Григорий Захарян и Степан Давтян, не только внушали бессарабским и другим армянам, что великая «северная держава» должна стать временным пристанищем обездоленной нации, находившейся в ожидании долгожданного дня, когда армяне смогут переселиться из чужих краев на родину, в родную «араратскую страну» и жить там под «сенью армянских законов», но и сами своим непосредственным участием в меру своих сил и возможностей старались содействовать военной кампании России против Турции. Так, перед Степаном Давтяном была поставлена задача (нет сомнения, что инициатива эта исходила от князя Потемкина) формирования добровольческого отряда из местных армян. Сам же Иосиф Аргутинский в течение всей кампании находился при Потемкине. Князь поручил армянскому архиепископу, пожалуй, самую сложную задачу — склонить армянское население турецких владений Бессарабии и Молдавии к переселению в пределы России. Потемкин вместе с Аргутинским стремились как можно больше заинтересовать армян льготами и привилегиями, даруемыми им на российской территории. Русский князь и армянский архиепископ совместно разрабатывали план по созданию армянского города-колонии Григориополь. Показательно, что всемогущий екатерининский фаворит вникал во все подробности этого плана, не забывая даже о печати будущей армянской колонии. Переселение армян за Днестр оказалось хлопотным и сложным мероприятием. Образовалось несколько потоков армянских переселенцев. Архивные документы свидетельствуют о том, что Потемкин лично следил за передвижением армянских переселенческих караванов. Из документов фонда «Потемкина-Таврического Г. А.», хранящегося в Центральном государственном военно-историческом архиве, например, выясняется, что «светлейший князь» поручил вывод армян из Измаила непосредственно Кутузову. О результатах мы уже знаем. Армянский город Григориополь был заложен после смерти Потемкина. И по одной из версий свое название получил по имени князя Григория Потемкина.

Выше мы отметили ряд фактов, мимо которых, к сожалению, прошел писатель. Однако автор романа останавливает внимание читателя на некоторых важных вопросах, связанных с деятельностью руководства армянского освободительного движения. Речь идет о переговорах в последней трети XVIII в. армянских деятелей с русским двором о предоставлении Армении независимости под протекторатом России и об оказании армянам военной помощи²². Этот исторический

²² Здесь следует отметить, что развернувшаяся в 80-х гг. XVIII в. освободительная борьба армян Арцаха под руководством меликов и других армянских политических и общественных деятелей также не могла завершиться успехом без вооруженной помощи России. Пользуясь случаем, скажем, что борьба армян Арцаха вовсе не носила верхушечного характера, то есть велась отнюдь не в целях усиления эксплуатации меликами армянских крестьян (пора нам избавиться от стереоти-

факт преломился в романе Пикуля несколькими зарисовками. Приведем одну из них. «Армяне... уже и столицу себе облюбовали—Эривань... что толку от столицы, если страны нет?... Сейчас нет, после нас будет,—отвечал Потемкин»²³. Действительно, и Иосиф Аргутинский, и Ованес Лазарев, и посланник ереванских армян Степан Давтян вели переговоры как с видными русскими сановниками и в первую очередь с князем Потемкиным, так и с самой русской императрицей. Но как показал дальнейший ход развития армяно-русских политических отношений вплоть до присоединения Восточной Армении к Российской империи, русское правительство поддерживало лишь иллюзию армянских деятелей о возможности заключения армянского договора и восстановления с помощью России независимой Армении. Для царской дипломатии было очень важно, чтобы эти иллюзии у армян не рассеивались. И освободительная борьба армянского народа, и перманентность ориентации армян и их политических лидеров на Россию были необходимы царскому правительству как один из действенных инструментов в решении своих внешнеполитических задач в отношении Турции, Ирана и подвластных им на Кавказе ханов.

Итак, царизм вовсе не собирался восстанавливать армянскую государственность ни в течение всего XVIII в., ни в первой трети XIX в. Что касается замысла создания армяно-грузинского государственного объединения под протекторатом России, то идея эта серьезно выдвигалась лишь при Петре I, хотя именно в то время она была наименее осуществимой.

В заключение хочется отметить, что роман «Фаворит» — это научно-художественный труд. Его автор удачно справился с двойной задачей—писателя-романиста и историка, воплотив в художественной форме историю периода правления Екатерины II и её знаменитого фаворита. Редко кому удается успешно выполнить подобную задачу, так умело оперировать сложным арсеналом исторических фактов, событий и, придерживаясь исторической правды, облечь все это в художественную форму, благодаря чему роман читается с неослабным интересом. Пикуль создал яркое произведение по очень важному и интересному периоду отечественной истории.

пов, прямо скажем, вульгарной социологии), как это пытаются представить некоторые азербайджанские историки. Борьба армян Арцаха с Ибрагим-ханом преследовала только национально-освободительные цели. При этом нам хочется обратить внимание читателя на весьма важное обстоятельство: Ибрагим-хан вел в отношении России явно двойную игру, поскольку на деле он имел четкую протурецкую ориентацию. И это убедительно доказывается многочисленными и разноязычными документами.

²³ В. С. Пикуль, указ. соч., т. II, с. 177.

ՊԻԿՈՒԼԻ «ՖԱՎՈՐԻՏ» ՎԵՊԸ. ՊԱՏՄԱՐԱՆԻ ԽՈՂԵՐ

Ժ. Հ. ԱՆԱՆՅԱՆ, Վ. Ա. ՄԻՔԱՅԵԼՅԱՆ

Ա մ փ ն փ ն լ մ

Պիկուլի «Ֆավորիտ» պատմագեղարվեստական երկը վերարտադրում է Ռուսաստանի պատմության նշանակալից դարաշրջաններից մեկը՝ Եկատերինա II-ի կառավարման, լուսավորչալ միահեծանության ժամանակաշրջանը։ Վեպի հեղինակը հաջողությամբ լուծել է գեղագետի և պատմաբանի խնդիրը՝ գեղարվեստական ձևի մեջ մարմնավորելով ժամանակաշրջանի պատմությունը, միաժամանակ հիմնականում հավատարիմ մնալով պատմական փաստերին և իրադարձություններին։ Հեղինակը կարողացել է ճիշտ գնահատել նաև Գ. Պոտյոմկինի գործունեությունը՝ բարդ ու իրարամբեր ղեկավարների ոլորտում, նրան ներկայացնելով որպես կայսրության շահերը պաշտպանող տանդանդավոր և խոշոր գործչի։